

16. Интеллигенция. Власть. Народ: антология. М.: Наука, 1993.
17. Иорданский Н. Творцы нового шума // Вехи: pro et contra. СПб., 1998. С. 262–274.
18. К истории создания «Вех» // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 11.
19. Каблиц И.И. (Юзов И.) Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886.
20. Кольцов Д. Кающиеся интеллигенты // Вехи: pro et contra. СПб., 1998. С. 151–160.
21. Левин Д. А Мольеровские врачи // Вехи: pro et contra. С.26–35.
22. Милорадович К.М. «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции // Вехи: pro et contra. С. 404–415.
23. Огнев Н. О русской интеллигенции // Вехи: pro et contra. С. 86–89.
24. Посторонний «Бей интеллигенцию!..» // Вехи: pro et contra. С. 187.
25. Сапиро С. Л.Н. Толстой о «Вехах» // Вехи: pro et contra. С. 210–212.
26. Трубецкой Е. «Вехи» и их критики // Вехи: pro et contra. С. 319–330
27. Франк С.Л. «Вехи» и их критики // Вехи: pro et contra. С. 42–47.
28. Чуковский К.С. Современные ювеналы // Вехи: pro et contra. С. 379–389.
29. Шагинян М. Еще о «Вехах» // Вехи: pro et contra. С. 331–341.
30. Шаховский Д. Слепые вожди слепых // Вехи: pro et contra. С. 48–52.

А.В. Ермошин

*Татарский государственный
гуманитарно-педагогический университет*

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБУЧЕНИЕ В СВЕТСКОЙ ШКОЛЕ В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА О РЕФОРМИРОВАНИИ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Обострение социальных противоречий в Российской империи в начале XX века находило выражение и в различных обсуждениях и дискуссиях по острым вопросам общественной жизни. Одним из предметов обсуждения стала предполагавшаяся еще с рубежа XIX–XX вв. реформа среднего образования. По поводу ее высказывались различные суждения и предложения, касавшиеся как общей направленности отечественной школы, так и конкретного содержания учебного процесса. В этой связи, на наш взгляд, небезынтересно посмотреть, нашла ли в них отражение (и если да, то в какой степени) проблема наличия

в светской школе религиозного обучения (на уроках Закона Божьего), тем более что начало XX столетия стало и временем пересмотра взаимоотношений государства как с православной церковью, так и с другими религиозными сообществами.

В первую очередь необходимо подчеркнуть, что в правительственных актах, имеющих отношение к средней школе, нет и намек на исключение Закона Божьего из программ средних учебных заведений, а также на факультативный характер его преподавания. В утверждаемых Министерством народного просвещения «Таблицах чисел недельных уроков в гимназиях» Закон Божий остается в числе обязательных предметов (а среди них – на первом месте в списке), при этом его доля по сравнению с концом XIX века не увеличивается и не сокращается [см. 11, с. 16; 12, с. 13].

В определении Святейшего Синода (15 июля – 18 августа 1910 г.) «О лучшей постановке преподавания Закона Божия в светских средних учебных заведениях» этот предмет также был обозначен как «общеобязательный для всех школ курс» [11, с. 8]. Но, в отличие от других учебных дисциплин, общеобязательных для всех школ, обязательность Закона Божьего распространялась только на учащихся православно-вероисповедания. Еще в XIX веке допускалось обучение иноверцев основам их собственной религии (по особому разрешению), а с провозглашением в 1905 г. «укрепления начал веротерпимости» этот вопрос получает более четкую регламентацию. В соответствии с «Временными правилами о преподавании Закона Божия инославных христианских исповеданий» (утвержденными министром народного просвещения 22 февраля 1906 г.) «...обучение оному вводится по желанию родителей и признается необязательным» [11, с. 13]. Вскоре, благодаря Высочайше утвержденному постановлению Совета министров (13 апреля 1911 г.) «О преподавании Закона Божия детям старообрядцев и сектантов», в светских средних учебных заведениях «за исключением школ военного и духовного ведомств разрешается по желанию родителей или опекунов учащихся преподавание Закона Божия по правилам подлежащих вероучений тех [старообрядческих] толков и согласий, а равно и тех сектантов, вероучения коих не содержат в себе чего-либо противного государственному устройству, уголовным законам или общественному порядку и нравственности» [11, с. 12].

К этому же направлению следует отнести циркуляр министра народного просвещения (27 октября 1912 г.) «О порядке определения природного языка учащихся при преподавании Закона Божия инослав-

ных исповеданий» [12]. Как видим, обучение неправославных Закону Божьему допускалось в стенах образовательного учреждения, но даже при наличии соответствующего преподавателя оставалось обязательным для ученика, тогда как для лиц, официально числившихся в «православном исповедании», этот предмет был обязательным. Следует заметить также, что уроки православного Закона Божьего могли посещать по собственному желанию и ученики-иноверцы, о чем имеются исторические свидетельства. Так, к примеру, вспоминая годы учебы в одной из московских гимназий в начале XX века, бывшая гимназистка еврейского происхождения пишет: «У нас, конечно, преподавали Закон Божий <...> Несколько человек неправославного исповедания могли в это время выходить из класса и гулять по коридору или спускаться вниз, в зал, где проходили уроки танцев. Но я большей частью оставалась и внимательно слушала, что объяснял батюшка» [5, с. 208–209].

Итак, на официальном уровне вопрос о пересмотре места Закона Божьего в светской средней школе не поднимался. Обратимся теперь к суждениям представителей педагогической и иной заинтересованной общественности: поднимался ли здесь вопрос о религии в школе при обсуждении реформы среднего образования?

Изучение литературы, затрагивающей этот вопрос, позволяет утверждать, что должного внимания данной проблеме не уделялось. Многие авторы, рассуждая о недостатках современной школы, высказывая предложения об отмене или сокращении одних и расширении преподавания других учебных дисциплин (например, высказывалось предложение ввести в курс средних школ «бухгалтерию» [10]), вовсе не упоминают Закон Божий [2; 4 и др.]. Это объясняется скорее не желанием удалить религиозное обучение из светской школы (иначе такое предложение могло бы прозвучать), а простым отсутствием внимания к этому предмету как части учебно-воспитательного процесса. «Красноречивым показателем этого, – пишет современник, – служит тот факт, что ни в официальных материалах, ни в отдельных историях гимназий, ни в воспоминаниях, кроме буквально двух-трех случаев, нет указаний на то, чтобы предмет этот или законоучитель пользовался в гимназии сильным влиянием или оставлял заметный след. Подобное явление возможно только потому, что на всем протяжении столетнего существования гимназий никогда не было согласованности Закона Божия с остальными предметами, и даже больше: всегда между этими двумя сторонами было некоторое противоречие» [1, с. 343], ведь «на уроке Закона Божия сообщается, что Господь Бог сотворил мир в 6 дней, а на

следующем уроке космографии доказывается, что все это неправда» [9, с. 5].

В ходе обсуждения возможных путей реформы среднего образования гораздо больше внимания привлекал вопрос о так называемых древних языках – греческом и латинском. Именно их «засилье» в российской средней школе представлялось многим главным тормозом на пути модернизации образовательной парадигмы. «Главными предметами гимназического курса со времени введения у нас классической системы в 1871 г. и до пересмотра гимназических программ в 1890 году считались лишь древние языки и математика, а все остальные предметы, включая в число их и Закон Божий, и русский язык, считались предметами второстепенными. С 1890 г. к главным предметам отнесены также и эти два предмета», – отмечает петербургский историк и педагог, издатель журнала «Русская школа» Я.Г. Гуревич [7, с. 21].

Но изменение учебных программ, произведенное в 1890 году, не привело к коренному изменению в соотношении древних языков и Закона Божьего, которые современники часто противопоставляли как противоположные по своему духу. «При таком обилии учебного времени, расходуемого на древние языки, – пишет историк образования И. Алешинцев, – не может быть, чтобы изучение их ограничивалось только грамматикой; несомненно, дети знакомились и с классическим мировоззрением, еще более несомненно, что классический мир сильно идеализировался», тогда как «между классическим и христианским мировоззрением не только не может быть дружеского содействия, но даже и добрососедских отношений: они взаимно исключают и отрицают друг друга <...>. Здесь культ духа, там культ плоти – большего противоречия не может быть, и если “в гимназии почти все предметы воюют между собою”, то с Законом Божиим они воюют по преимуществу» [1, с. 343–344].

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что среди немногочисленных сторонников сохранения древних языков в гимназиях были и те, кто предлагал придать их изучению христианскую направленность. Так, бывший редактор «Журнала Министерства народного просвещения» и член совета министра народного просвещения А.И. Георгиевский считал, что «греческий язык есть исконный, священнейший язык <...> Церкви Православной», что он «открывает прямой доступ не только к Св. Писанию Нового Завета в основном его тексте, но и ко всем сокровищам наших церковных песнопений и молитв в подлиннике» [6, с. 19]. Предлагая достаточно подробную программу согласования

курсов греческого языка и Закона Божьего, тот же автор заключает, что «при хорошем ведении дела надлежало бы и охоту, и навык к постоянному изучению Слова Божия, и интерес ко всему, что относится к Православной Церкви» [6, с. 55]. Но, уделяя важное значение религиозному обучению и воспитанию, автор все же отводит Закону Божьему лишь второстепенную роль при практическом применении познаний в греческом языке, о чем сам откровенно заявляет: «Побороть дух неверия, отличающий наше время, невозможно иначе, как поставив с самого начала все религиозное образование нашего учащегося юношества на твердую научную почву; единственным же к тому орудием представляется греческий язык» [6, с. 56].

И все же большинство педагогов критически смотрело на перспективы дальнейшего сохранения древних языков в гимназиях, предлагая в своих проектах либо их существенное сокращение, либо вовсе исключение из программ одного из них, а иногда и обоих. Но при этом в тех же проектах нет и намека на расширение преподавания Закона Божьего. Например, в проекте Я.Г. Гуревича, благодаря освобождению гимназического курса от греческого языка и латыни, предлагается усилить преподавание целого спектра дисциплин (даже «древнегреческого искусства») [7, с. 42], но во всех предлагаемых им типах средних школ на Закон Божий отводится, как и раньше, по 2 урока в неделю [7, с. 46–54].

Разбирая проект школьной реформы профессора А.И. Яроцкого, преподаватель Казанского коммерческого училища, член Педагогического общества при Казанском Императорском университете М.Д. Бушмакин соглашался, что трудно надеяться на скорейшее преобразование государственной школы, поэтому «школа, отвечающая <...> новым началам, может возникнуть на первых порах только как частная школа, и обязанность общества поддержать эту школу <...>, предпочитая официальной», ибо «в школах общественных и частных, которые меньше связаны официальными рамками», легче «изменить программу в указанном направлении» [3, с. 11–12]. В том же проекте А.И. Яроцкого предполагается сократить число недельных уроков Закона Божьего с 16 (по 2 в каждом из 8 классов классической гимназии) до 10 (по 2 урока только в 1–3 и 5–7 классах) [см. 3, с. 13].

Имеющийся в нашем распоряжении проект «новых» гимназий, составленный одним из чиновников Министерства народного просвещения ввиду необходимости преобразования некоторых прогимназий и 4–6-классных реальных училищ Киевского и Одесско-

го учебных округов в учебные заведения с полным курсом, также сокращает число уроков по Закону Божьему, оставляя по 2 часа в неделю только в 1–5 классах и назначая по 1 уроку в 6–8-х [см. 13, с. 34–35].

Большая же часть авторов, писавших в указанный период о реформировании системы среднего образования, обходит своим вниманием проблему религиозного обучения, предпочитая рассуждать о целях школьного образования вообще, о духе и направленности школы и т.п. И это характерно не только для светских, но даже и для церковных педагогов. «Ввести в школу такие-то предметы, исключить другие, расширить программу по таким-то наукам <...> – все это самый легкий путь решения вопроса о реформе средней школы, но путь самый сомнительный, самый ненадежный, – отмечал в своем докладе на одном из заседаний Казанского экономического общества “Задачи среднего образования” профессор протоиерей А.В. Смирнов. – В том то и горе наше, что мы учимся не для науки, не для знания, а для будущей практической службы» [8, с. 4], тогда как «цель образования в средней школе должна заключаться не столько в приобретении определенной суммы знаний, сколько в возможно всестороннем развитии природных сил и способностей, в привитии вкуса к научным занятиям, в приучении к труду и самостоятельной деятельности» [8, с. 6].

Из вышесказанного мы видим, что, несмотря на частое упоминание Закона Божьего как в нормативно-правовых актах о среднем образовании, так и в докладах и статьях представителей педагогической общественности о возможной школьной реформе, особо важного значения ему практически не придавалось, не было серьезной попытки глубоко и всесторонне осмыслить сам факт присутствия в светском образовании изучения начал религии. На него смотрели как на имеющуюся данность, не столь злободневную, чтобы она могла породить серьезную и обстоятельную дискуссию. В этом, пожалуй, одна из причин того, что отмена преподавания Закона Божьего в светской школе в 1918 г. была за редким исключением встречена довольно равнодушно, а в некоторых случаях и с одобрением.

Библиографический список

1. Алешинцев И. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб.: Изд. О.Богдановой, 1912. IX, 346, VI с.
2. Архангельский А.С. К предстоящей реформе нашей средней школы. Б.м., 1900. 18 с.

3. Бушмакин М.Д. Средняя школа и ее программа. Доклад, читанный в заседании Общества 29 марта 1914 г. (По поводу статьи проф. А.И. Яроцкого «Какова должна быть средняя школа?»). Казань: Тип.-лит. Имп. ун-та, 1914. 14 с.
4. Валицкий З.А. Злобы средней школы. (Чит. в собрании Педагогического общества, состоящем при Имп. Казанском университете, 14 февраля 1901 г.). – Казань : Тип.-лит. Имп. ун-та, 1901. 20 с.
5. Василевская В.Я. Катакомбы XX века: воспоминания / В.Я. Василевская. М.: Фонд им. Александра Меня, 2001. 320 с.
6. Георгиевский А.И. Предположенная реформа нашей средней школы. СПб., 1901. 112 с.
7. Гуревич Я.Г. К вопросу о реформе среднего образования, в особенности же классических гимназий. СПб.: Журнал «Русская школа», 1900. [2], VI, 55 с.
8. Доклады по вопросу о единой средней школе. Казань: Имп. Казанское экономическое общество, 1907. 57 с.
9. Доклады по вопросу единой общей средней школы. Ч.II. Казань: Имп. Казанское экономическое общество, 1908. 10 с.
10. Дружинин Н.П. Какая нужна нам средняя школа? Ярославль, 1903. [4], 43 с.
11. Елисеев В. Программы и правила всех классов мужских гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения (с последними дополнениями и разъяснениями) / сост. В. Еленев. 9-е изд., исправ. и доп. Одесса: Родное слово, 1912. 162, VI с.
12. Его же. Программы и правила женских гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения / сост. В. Еленев. – 24-е изд., испр. и доп. М. Одесса: Родное слово, 1916. 138, V с.
13. По вопросу о средней общеобразовательной школе, с применением ее к запросам и нуждам современной жизни некоторых местностей России (Отчет о командировке упр. отделением промышленных училищ Министерства народного просвещения тайного советника Анопова). СПб.: Тип.-лит. Шредера, 1900. 58 с.